

Эпоха перемен

16+

Николай Липницкий

Николай Липницкий
Эпоха перемен

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Липницкий Н. И.

Эпоха перемен / Н. И. Липницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вирус, обрушившийся на человечество, перепахал цивилизацию вдоль и поперёк, оставив после себя руины. Он прошёл черной полосой через все жизни, став своеобразной границей между тем, что было До, и тем, что будет После. И человек уже никогда не станет прежним.

© Липницкий Н. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Никогда не думал, что в свои неполные шестьдесят лет мне придётся вновь браться за оружие. Нет, конечно, старым я себя не считаю, и, до сих пор, время от времени, засматриваюсь на симпатичных девушек. Хотя, кого я обманываю? То тут кольнёт, то там заболит. Да и хожу уже не так легко, не говоря уже про бег. В спокойные времена говорили: «Трусцой от инфаркта». Ага. Сейчас не до трусцы. Но, всё равно, в душе мне поменьше, чем по паспорту. Где он сейчас, этот паспорт? Наверное, так и лежит в нашей квартире. Я покосился на автомат, лежащий рядом. Обычный АК-74. В меру пошарпанный, в меру ухоженный. Раньше, в годы моей молодости, он не казался мне таким тяжёлым.

Осенний ветер швырнул мне в лицо целый букет ароматов. Тут запахи и пожухлой травы, и прошлогодней, ещё, прелой хвои, и пыльная грусть опадающей, буро-жёлтой с красными крапинками листвы, и чего-то ещё, терпкого, давно забытого, и, теперь, бередящего душу и щемящего сердце. Природа готовится к зимним холодам и продолжает жить. И ей нет никакого дела до нас, людей, тысячелетия паразитировавших на ней. Жила она до человека, будет жить и после. Хотя, человек ещё не уходит. Не сказал своего последнего слова. Он активно цепляется за жизнь.

Наверху опять грохнуло, потом хлопнула дверь на четвёртом этаже, и по лестнице тяжело прогрохотали кирзовые сапоги. Раритет по нынешним временам. Сосед на работу побежал. Уже год, как из района переехал, а всё никак в городскую жизнь влиться не может. Или не хочет. Так и топчет, как у себя в избе, стулья с грохотом по полу двигает, нимало не смущаясь тем, что под ним, на нижних этажах, тоже люди живут. И по лестнице вечно своими кирзачами топает. А, самое главное, не предъявишь, ведь, ему. Мужик здоровый. Кулачищи, что моя голова. На К-700 работает. Вечно под окнами ставит. Пока припаркует, вся квартира соляным дымом провоняется, если закрыть форточку не успеешь к этому времени. Бабы пробовали наезжать на него, да толку-то? Отмахнулся своей ручищей и дальше пошёл.

За год, даже, как зовут, узнать, толком, не удалось. То ли Васька, то ли Женька. И жена под стать. Такая же нелюдима, худая, как вобла. Как они в районе жили? Там люди, в основном, общительные. Посудачить любят. Я, вообще-то, тоже не большой знаток сельской жизни, но по телевизору видел. Соберутся у колодца, и давай за жизнь под семечки беседовать. Как-то так. Одни дети у них нормальные. Общительные и без комплексов. Даже слишком. Пришёл я, как-то, с работы, вспомнил, что мусору накопилось. Дай, думаю, выкину, пока не разделся. Не закрывая двери, прямо в обуви прошлёпал на кухню. Пока из-под раковины ведро мусорное вытащил, оглянулся, а тут Петька, соседский сынок, стоит и с вожделием, так, на вазочку с конфетами смотрит. Простой мальчик. Зашёл, как к себе домой. Пришлось угостить.

За окном затарахтел пускач К-700, и я, спохватившись, бросился закрывать форточку. Вовремя. Мощный двигатель рыкнул, выпуская клуб вонючего дыма, и трактор, вырвали со двора. Жена раздражённо поджала губы и разлила кофе по чашкам. Я вернулся за стол и, откусив от бутерброда кусок, прибавил звук в телевизоре. Как раз заставка новостей появилась. Бодрый ведущий скороговоркой отрапортовал анонс, явно наслаждаясь тем, как он выглядит в кадре. Слух царапнуло сообщение из Таиланда. В Бангкоке зарегистрирована вспышка неизвестного заболевания. Мимоходом проскочила мысль о том, что вечно им в Азии неймётся. Тут, через две недели Новый Год, а они болеть надумали.

Кофе уже остыл, и я, сделав два больших глотка, оставил кружку и пошёл собираться. Понедельник день тяжёлый, а с начальством из-за опоздания отношения выяснять не хотелось. Ещё неизвестно, как с автобусом получится. Свою «Тойоту» я продал совсем недавно, новую не купил, а с графиком маршрутов общественного транспорта ещё не разобрался. По-хорошему, раньше выходить надо бы. Не Европа, всё-таки, чтобы автобусы по графику ходили, да, завозился что-то.

Начало зимы нынче тёплое выдалось. Дождливые дни перемежались с, по-весеннему, солнечными, и грязи было предостаточно. У самого подъезда я умудрился влететь в лужу, а на выходе со двора талой водой обдала проезжающая машина, вообще опустив настроение ниже плинтуса. Автобус ожидаемо задержался и на работу еле успел. Забежав в кабинет, быстро сбросил куртку и помчался на планёрку. Повезло. Начальник задерживался, и мужики, собравшись в приёмной, от нечего делать, чесали языками. Как раз, когда я вошёл, Серёга заканчивал какой-то несмешной анекдот под вежливые улыбки коллег.

– Слыхали, сегодня в новостях про Таиланд говорили? – вдруг, нарушил неловкую паузу после анекдота Тоха.

– Что там? – оторвался от своего смартфона Макс.

– Да, болезнь какая-то.

– Ерунда всё это, – тоном эксперта провозгласил Алик. – Пара человек чихнула, и сразу: неизвестная болезнь! Кризис в мире. Экономике стран трещат по швам, и людей всё больше недовольных. Вот и придумали, как отвлечь внимание, пока народ на баррикады не вышел.

– Да нет, – отмахнулся Олегыч. – Это всё Штаты мутят. Точно вам говорю. Помните, в прошлом месяце троих амеров с наркотой у них в аэропорту прихватили?

– Ну и причём тут они? – не понял Тоха.

– Как причём? Не помните, сколько раз госсекретарь США к президенту тайскому обращался о помиловании? Не помиловали же!

– У них там с наркотиками строго, – опять, со знанием дела, заявил Алик. – Попался – расстрел. Ни на какие авторитеты не смотрят. Видели фильм «Бангкок Хилтон»?

– погоди ты со своим фильмом. Олегыч, так причём тут какие-то расстрелянные американцы и болезнь?

– А госсекретарь сказал тогда, что Таиланд ещё жестоко пожалеют об этом. США, мол, без ответа этот недружественный шаг не оставят. Сто процентов даю на то, что подбросили они туда биологическое оружие какое-то.

– Ерунда всё это, – не унимался Алик. – Что там той болезни? Ложная тревога.

Спор прервал начальник, наконец, забежавший в приёмную, наспех со всеми поздоровавшийся и, открыв свой кабинет, пригласивший всех на планёрку. А там, естественно, не до вирусом. Производственные моменты требовали своего решения.

Какое-то время, наверное, около двух недель, а то и больше тема вируса в далёком Таиланде отошла на второй план и присутствовала, разве, в анекдотах и глупых шутках. В очередной раз о нём заговорили в самый Новый Год, когда, вдруг, в новостях сообщили о вспышке заболеваний в Бангкоке. Сразу сорок шесть человек поступили в больницы города в тяжёлом состоянии. Ещё двести человек госпитализированы с подозрением на заболевание. Вирусу даже название придумали: «Тай – 24». Конкретно о нём толком никто ничего и не знал. Говорили, только, что он опасен и, возможно, смертелен.

Да и, положив руку на сердце, особо симптомами никто не интересовался. Просто, кто-то, где-то, в другой стране, почти на другой планете, заразился и находится в больнице. В новостях дикторы с озабоченными лицами говорили о чрезвычайных мерах, предпринимаемых правительством Таиланда и властями Бангкока, а мы с женой, слушая в пол уха, обсуждали меню на мой день рождения. Где-то, числа пятнадцатого января, поступило сообщение о смерти двух человек от «Тая». Тревожное чувство, поселившееся в душе, быстро успокоилось, когда выяснилось, что одному умершему было шестьдесят четыре года, а второму – семьдесят два. Средний возраст смертности среди мужчин. Особенно в том регионе.

Ближе к двадцатому числу число госпитализированных в Бангкоке превысило полторы тысячи человек, четыреста из которых находились в тяжёлом состоянии. Двадцать четыре человека умерли. От таких фактов было уже не отмахнуться, и мы, с всё более возрастающим

беспокойством, каждый день вслушались в сухие слова ведущих о положении в Таиланде. На моём дне рождения почти все разговоры велись вокруг «Тая-24». В конце концов, все мы успокоили друг друга тем, что вирус убивает стариков, а нам ничем не грозит. И, вообще, Бангкок в кольце военных, объявлен карантин, и границы Таиланда постепенно закрываются.

А на следующий день, как гром среди ясного неба – сообщение о том, что первый случай смерти от «Тай-24» зафиксирован на территории Китая, и ещё два – на территории Японии. Дальше события понеслись с ужасающей быстротой. Десять тысяч госпитализированных в Бангкоке. Соседние государства начали принимать меры и сажать своих соотечественников, отдохнувших на курортах этой страны на карантин, надеясь остановить расползание инфекции. День за днём ситуация всё больше выходила из-под контроля. Мир, словно проснулся и начал суетливо готовиться к надвигающейся беде. Однако, смертей становилось всё больше. Триста – в Таиланде, восемьсот – в Китае, шестьдесят четыре – в Японии. Кроме того: шесть человек – в Германии, двенадцать – в Польше, восемь – в Италии...

По всему миру объявили пандемию, и все страны ввели на своих территориях чрезвычайное положение. Новости день ото дня становились всё тревожнее, но до конца поверить в надвигающуюся беду мы не могли. Всё время казалось, что это где-то там, за непреодолимыми границами и надёжными санитарными кордонами. А потом грохнуло. Рейс из Германии – два заражённых. Рейс из Варшавы – четыре заражённых, рейс из Милана – сразу семь заражённых. На работе нас всех собрали в актовом зале и наскоро прочитали лекцию по правилам безопасности. Распорядились всем носить медицинские маски. Но масок уже в аптеках не было, а за ту цену, за которую они предлагались в интернете, никто их покупать не хотел. В конце концов, вирус где-то там, придёт он сюда, или нет – вопрос, а тратить попусту деньги никто не собирался.

Дальше: один заражённый умер, зато появились ещё двадцать три, уже своих, доморощенных. Крупные города опустели. Мы всматривались в кадры городских съёмок, которые показывали в выпусках новостей, и нам становилось неуютно. Ветер гонял по улицам мусор, а редкие работники коммунальных служб поливали хлоркой мостовые и стены домов. Люди предпочитали отсиживаться дома, благо, производство остановилось, и работали только те организации, без которых невозможна жизнедеятельность населённых пунктов.

– Чего ещё ожидать? – спросила жена, когда мы в очередной тоскливый вечер сидели на кухне у маленького телевизора и смотрели, как очередной деятель уныло и монотонно рассказывал, что делает правительство для нормализации обстановки в стране.

– Не знаю, – ответил я, допивая уже остывший кофе. – Но, думаю, ничего хорошего.

– Страшно-то как!

– Страшно. Надо было побольше продуктов накопить. Того, что запасли, надолго не хватит.

Действительно, накануне мы сделали небольшой запас продуктов, скорее для самоуспокоения, чем в конкретных целях. Как-то не верилось, что это действительно понадобится. Да и время самое поганое: перед зарплатой, когда каждая копейка наперечёт. А сейчас становится ясно, что всё всерьёз и надолго. Особенно, когда город посадили на карантин, а большинство определили на удалённую работу из дома. Жена тоже уже несколько дней не выходила на улицу и работала по интернету. Одно успокаивало: дети далеко и у них, вроде бы, всё пока нормально. Тоже держатся. Хотя, кого я обманываю? И за них душа не на месте.

– Но магазины работают.

– Работают пока. Если ситуация не стабилизируется, то и магазины долго не протянут.

– И что тогда?

– Не бросят же нас? Будут, наверное, продукты раздавать. Как гуманитарную помощь голодающим племенам в Африке. Не разносолы, конечно, но с голоду не дадут умереть.

– Ты, действительно, в это веришь?

– Надеюсь.

Вот и у нас появились первые заражённые. Теперь утро начиналось с просмотра новостей. Статистика не радовала. Два заражённых, шесть, двенадцать, тридцать три... Когда в городе количество перевалило за три сотни, тысячи умерших и десятки тысяч заражённых где-то там, за границей, уже перестали волновать. Главное было здесь. Осознавать, что совсем рядом находится смертельный враг, которого не видно и не слышно, жутковато. Времена, когда человек в медицинской маске на улице вызывал удивление и привлекал к себе внимание, закончились. Всё больше стало на улицах прохожих в масках.

Люди постепенно становились мнительными и старались держаться друг от друга подальше, а в прошлое ушли рукопожатия. Походы в гости тоже становились реже и реже, все разговоры крутились вокруг эпидемии, а в глазах всё чаще можно было увидеть выражение тревоги. Мир вокруг менялся, и мы видели это. Было ощущение огромного снежного кома, катящегося с горы. И, самое страшное, что от нас ничего не зависело. Совершенно ничего. Оставалось только вставать утром и перед работой прослушать очередные новости, главной темой которых было количество вновь заражённых и умерших за прошедшие сутки. Ну, прямо, вести с фронта. Только фронта невидимого и от этого, тем более, пугающего.

Позвонили дети. Так уж получилось, что сыну после учёбы предложили работу на Алтае. Там он вполне себе обосновался, женился и обзавёлся детьми. Вот уже лет десять видимся только тогда, когда они в отпуск приезжают. Ну и мы пару раз к ним приезжали. Что и говорить, красота! Алтай есть Алтай. Природа неопишущая! У них там и с эпидемией полегче как-то. Поговорили о делах, о семье, и разговор плавно, незаметно, скатился к вирусу.

– Пап! – взволнованно говорил Сашка в трубку. – Я каждый день слежу за развитием событий. У вас всё хуже и хуже. Может, соберётесь, и к нам? У нас спокойно. Да и вместе веселее будет.

– Нет, Саш, не поедем.

– Почему?

– Тут у нас работа. А там?

– Да перестань! Бог с ней, с этой работой! Проживём как-нибудь!

– Нет. Мы с мамой к вам на шею садиться не собираемся.

– Пап, я, всё-таки, настаиваю.

– Я же сказал – нет. Да и не всё так страшно. Мы в масках. В местах скопления людей не бываем. Да и не старые мы ещё. Здоровье есть, иммунитет – вполне. Этот вирус когда-нибудь закончится, и всё будет, как раньше. И, куда мы потом? Кто нас на прежнюю работу возьмёт? Свято место, как говорится, пусто не бывает. Да и не думаю, что всё настолько серьёзно. Ещё неделька, ну, две, и «Тай» пойдёт на спад. А через месяц, вообще, как страшный сон вспоминать будем.

– Всё равно подумай, с мамой посоветуйся. У нас спокойнее.

– Подумаю. Ладно, пока.

– Пока, пап. И привет маме.

– Передам. И твоим привет. Держитесь там, берегите себя.

– И вы себя берегите.

Я положил трубку и задумчиво принялся барабанить пальцами по столешнице. Настроение было не настолько оптимистичное, как я изображал в разговоре с сыном. Тревога не отпустила. Мир катился в пропасть, и, где будет дно в конечном итоге – одному Богу известно.

– Как там они? – жена присела рядом и налила себе чай.

– Ничего. У них нет такого ажиотажа. К себе звал.

– А ты?

– Отказался.

- Не знаю. Мне как-то тревожно. Может, стоило послушать его?
- А работа?
- Возьмём отпуск. Мы в этом году ещё не брали его.
- В отпуск нас никто не отпустит. А увольняться – не вариант.
- Почему?
- Вся эта бодяга рано или поздно закроется, а работу мы потеряем. Потом устроиться обратно будет нереально, а найти что-нибудь ещё в нашем возрасте – проблематично. Зачем создавать проблемы?
- Может, ты и прав. Только мне всё это совсем не нравится.
- Что, всё это?
- Обстановка в городе. Как бы, не пожалеть.
- Не знаю. Может, мы просто боимся что-то менять в своей жизни, поэтому, и предпочитаем, лучше, плыть по течению? Но, что-то меня останавливает от кардинальных перемен. Давай ещё подождём.

Вчера в девять вечера закрыли город. Совсем закрыли. Въезд и выезд запрещён. Теперь из города никуда не выбраться. Вспомнился давешний разговор с сыном и я, даже, немного пожалел, что не согласился на его приглашение. Сидели бы сейчас на Алтае, любовались бы природой и смотрели информацию о вирусе по телевизору. К слову об информации. Уганду мы потеряли. Как и Филиппины, Грецию и Испанию. Границы закрыты, а из самих стран никакой информации. То ли вымерли, то ли оуклились. Таиланд ещё трепыхается, но тоже на последней грани. Остальные ещё борются с разным успехом.

У нас так же всё хуже и хуже. Люди стали умирать. В нашем городе уже сто двадцать шесть смертей. И это пугает. Вчера в доме напротив, заразился кто-то, и этот подъезд закрыли на карантин и выставили пост. Сегодня, когда я шёл на работу, уныло топтавшийся у подъездной двери сержант в серой полевой форме, мятой кепке и грязной, затасканной маске, провожал меня красными, воспалёнными от бессонной ночи, глазами. Бедолага. Всю ночь стоял, наверное, охранял потенциальных разносчиков инфекции от остального мира. Или мир от них.

Транспорт ходил всё реже. Поговаривали, что скоро автобусы вообще прекратятся. Кондуктор в респираторе и латексных перчатках стоял у единственной открывшейся двери и зорко следил за тем, чтобы все пассажиры были в масках. На следующей остановке он, даже, не пустил какого-то мужичка в салон по этой причине. Народу в автобусе было непривычно мало, и все угрюмо смотрели поверх медицинских масок на проезжающий за окнами город.

На работе нас собрали и объявили списки тех, кого отправляют в отпуск. Я в списки не попал, поэтому сразу после совещания пошёл к себе в кабинет. Отпускники кучкой собрались в курилке и завели сдержанный разговор о чём-то своём, отпускном. Если честно, я им не завидовал. Отдыхать зимой, пусть и в феврале, как-то не тянуло. Лучше, уж, летом. И сразу поймал себя на том, что, почему-то, уверен: до лета всё это закончится обязательно. С чего бы это? Закончится ли? Хорошо было бы. Как-то не хочется терять летний отдых.

- Костя! – ворвался в кабинет Серж. – Ты остаёшься?
- Остаюсь, – разговаривать не хотелось, и я уткнулся в бумаги, делая вид, что очень занят.
- Я тоже. Прикинь, мы будем тут вкалывать, а кто-то отдыхать!
- Не забывай, что они не просто отдыхать будут, а в очередном трудовом отпуске. Понимаешь?
- Ну. И что?
- А то, что они сейчас его потратят на сидение дома, а потом, летом, локти кусать будут.
- Ты всерьёз думаешь, что до лета успокоится всё?
- Конечно! – мимоходом я успел даже погордиться своей убедительностью. – Не будет же всё это полгода продолжаться! Мы такими темпами выйдем к лету!

– Ну, ты и хватил! Прямо вымерем!

– А ты смотри, с какой скоростью «Тай» распространяется. Так, что, если в ближайшем будущем мы не достигнем дна, боюсь, что хомо сапиенс станет вымершим видом.

– А чо вы тут? – тормознул пробегающий мимо по коридору Игорь, парень лет двадцати пяти, гонористый и безалаберный до безобразия.

– А ты что без маски? – удивился я.

– Вон она, – кивнул он на торчащие из кармана тесёмки.

– Вообще-то в кармане она бесполезна, – заметил Серж.

– А, типа, на лице сильно помогает!

– Может, и помогает. В любом случае, шансов больше.

– Не верю. Париться ещё в ней!

– Я бы, всё-таки, не рисковал так на твоём месте, – попытался я всё-таки образумить его пофигизм.

– Вот и не рискуй. А я, как-нибудь, по-своему. Развели тут панику! Весь этот «Тай» – полная лабуда для лохов.

Игорь резко развернулся и побежал дальше по коридору. Серж проводил его долгим взглядом и пожал плечами. Я махнул рукой, мол, его дело, и опять уткнулся в бумаги. Дверь закрылась, и в одиночестве стало, как будто, легче. И так на душе кошки скребут, так ещё и эти нагнетают.

Сегодня выходной. С женой решили устроить праздник. По гостям нынче никто не ходит, но нам с женой всегда и друг друга хватало для компании. Обычно, всё происходило буднично: что-нибудь из горячего, салатик и тёплая, душевная беседа. Но сегодня всё было по-другому. Мы обсуждали праздничное меню, словно ожидалась куча гостей, спорили и, наконец, нашли компромисс. В воздухе царило волнение и какой-то душевный подъём. Давненько у нас не было праздников. Пожалуй, с моего дня рождения. Даже день Защитника Отечества и восьмое марта проскочили как-то почти обыденно, без былого ажиотажа. Тем более волнительно было сделать себе праздник сейчас.

Жена осталась у плиты, а я, нацепив маску на лицо, помчался в магазин за спиртным. Настроение не испортила даже мрачная погода, мелкий нудный дождь и хмурый полицейский, мокнувший под козырьком соседнего подъезда. Там два дня назад от вируса скончалась бабка, и ещё четверых госпитализировали с заражением. Теперь весь подъезд на карантине, и только унылые лица в окнах напоминают, что в квартирах живут люди. Я помахал им рукой, подмигнул грустному сержанту и, надвинув на глаза кепку, весело зашагал к магазину.

Патрулей на улице прибавилось. И не только полицейских. Пару раз проезжали армейские «Тигры», притормаживающие напротив каждого прохожего, и лица в армейских респираторах и тактических очках внимательно вглядывались в каждого. Правда, и людей на улицах раз-два и обчёлся. Редкие прохожие, вжав головы в плечи, спешили по своим делам, стараясь быть, как можно незаметнее. Полицейский патруль остановил меня буквально в двух шагах от магазина. Старший, с погонами лейтенанта, скороговоркой и неразборчиво представился и потребовал мои документы.

– Куда направляетесь? – стараясь быть грозным, поинтересовался лейтенант, листая страницы паспорта.

Только сейчас я заметил, что это, по сути, мальчишка, и все его суровые замашки – не более, чем попытка казаться старше и солиднее.

– В магазин, – развёл я руками.

– Оружие, наркотики при себе имеете? – наверное, ему казалось, что он просвечивает меня взглядом на манер рентгена.

– Наркотиками никогда не баловался, а оружие в нынешнее времена, иметь, конечно, не мешает, да, кто же мне его даст?

– Я бы не рисковал так шутить с патрулём. Особенно насчёт оружия.

– Да какие уж тут шутки? Вон, времена, какие!

– Времена, да, непростые. Но, мы, как раз, здесь для того, чтобы обеспечивать вашу безопасность. А насчёт наркотиков, не обязательно их употреблять. На днях целую банду наркодиллеров взяли. И ни один из них наркоманом не являлся. Можете идти.

– Благодарю.

В порыве какого-то куража я чуть не снял с головы кепку и не махнул на манер шляпы, по мушкетёрски, но вовремя одумался. Действительно, лейтенант прав. Шутить с патрулём не стоит. Под пристальным взглядом лейтенанта я быстрым шагом дошёл до магазина и нырнул внутрь. Только сейчас отпустило чувство обречённости, возникшее, когда меня остановили. И чего я так разволновался? Ведь, ничего предосудительного не совершил, а стоял, как двоечник у доски.

– Костя! – услышал я сбоку, и чья-то крепкая рука хлопнула меня по плечу.

Вздвигнув, я обернулся и увидел Сержа. Лицо, так же, как у меня, было закрыто маской, но глаза выдавали его улыбку. Сержа всё-таки, отправили в отпуск неделю назад, как и ещё человек десять.

– Серёга, ты?

– Я. Кто же ещё? Каким ветром?

– Да, зашёл кое-чего прикупить. А ты как?

– Да ничего. Отдыхаю. Тоже жена отправила. Что на работе?

– По-прежнему. Только пусто стало. Народу мало. Даже, как-то непривычно.

– Чувствую, закроются скоро все предприятия. О! Ты по водочке решил пробежаться!

И вино берёшь? Что за праздник?

– Просто выходной решили отметить. А то сидим, как сычи, только в телевизор и палимся. Даже разговоры все уже выговорены.

– Может, и мне дома так же замутить? Да нет. Моя не поймёт. Скажет, что я повод ищу, как бы нажраться.

– Каждому своё, – не удержался я от саркастичного тона.

– Давай, глумись над коллегой! – не остался в долгу Серж. – Кстати, Игоряна помнишь?

– Пацана борзого, что ли? Помню.

– Вчера умер. За три дня сгорел.

– Откуда знаешь?

– Да он сосед мой! Этажом ниже живёт. Точнее, жил. Говорили же, чтобы маску носил!

– А ты, чего, тогда не на карантине?

– Повезло. Его неделю назад в больницу забрали с температурой. Там и умер.

– Говорят, скоро по городу ходить запретят, – пробасил в очереди к кассе мужик в брезентовой ветровке с накинутым на голову капюшоном, строительным респираторе и строительных же, защитных пластиковых очках. – Кого поймают, сразу в тюрьму забирают будут.

– Да брехня всё это! – визгливо не согласилась с ним дама, словно восточная красавица, заматанная в какой-то шарф или платок так, что только глаза изо всех этих витков ткани сверкали. – Кто же, тогда, работать будет?

– Точно! – поддержала её сквозь медицинскую маску девушка в ярко синем плащевочном комбинезоне на синтепоне и чёрных латексных перчатках, из-под которых выпирали два крупных перстня на указательном и среднем пальце правой руки. – Столько людей в квартирах не удержишь. Тюрьмы захлебнутся.

– На стадионе один общий концлагерь сделают! – не сдавался мужик в респираторе. – Как в Чили во времена Пиночета.

– Какой ещё Чет? – возмутился парень в самодельной ватно-марлевой повязке. – Эпидемия! Нельзя всех в одном месте собирать!

– Не Чет, а Пиночет! Вы молодёжь, историю совсем не знаете, и знать не хотите. А власти до нас и дела нет. Им, лишь бы порядок был. Что им несколько тысяч? Да пусть они все перезаражаются и передохнут там все. Зато остальные поймут, что никто не шутит с ними, и будут сидеть по своим домам.

– Да нет, – усомнилась измотанная кассирша, пробивая очередной товар. – Жестоко это слишком.

– А времена, нынче, какие? – тётка, замотанная в ткани уже забыла, что была не согласна с респиратором. – Сейчас любую жестокость оправдать можно! Война спешит.

– Да, какая война? – старичок в конце очереди даже потряс в воздухе своей палочкой и загремел двумя неопознанными медальками на груди. – Вы, молодёжь, войны не видели! Кто-то два раза чихнул, все сразу обделались! Война у них!

– А ты, чё, дед, тогда в маске ходишь? – засмеялся ватно-марлевая повязка. – Да ещё и в такой крутой, со смайлом. Где взял? Я тоже такую хочу.

У деда, действительно, на самодельной маске весело улыбался задорный смайлик. Старик смутился, даже, кажется, покраснел и сплюнул, забыв, что на лице кусок тряпки.

– Внучка на всю семью нашла, затейница. Срамота одна. А бабка без этой ерунды никуда не выпускает.

– И правильно! – согласилась плащёвочный комбинезон. – И, вообще, могла бы и сама внучка сходить в магазин. Вам бы дома остаться. Вы, как-никак, в зоне риска.

– Это я сам настоял. Надоело сиднем дома сидеть. Вот, думаю, пройдусь немного.

– Ага, – язвительно заметил респиратор. – Тем более, что вы во всю эту заразу не верите.

– Да верю я, верю. Просто панику подняли, аж, выше крыши. Война! Я войну прошёл. Знаю, что это такое!

– Ну, дед, – протянул ватно-марлевая повязка. – Тут тоже не сладко. И потери есть.

Наконец, я дождался своей очереди и вывалил на прилавок бутылку вина, водку и плитку шоколада. Кассирша глянула на мои покупки, удивлённо вздёрнула брови, но, воздержавшись от комментариев, быстро пробила на кассе. Я хмыкнул про себя. Оно и верно, на фоне булок хлеба, банок тушёнки и пакетов с рисом, гречкой и фасолью, мой набор выглядел, по меньшей мере, странно. Ну и пусть удивляется. У нас с женой праздник сегодня.

Пока я ходил в магазин, Ирина расстаралась на славу. Стол был накрыт нашей праздничной скатертью, на которой стояло аж три вида салата. Из серванта были извлечены праздничные тарелки, возле которых замерли, словно солдаты на посту у мавзолея, хрустальная рюмка для меня и фужер из набора, когда-то подаренного невесткой, для жены. Из духовки тянуло чем-то умопомрачительно вкусным, и у меня моментально заурчало в животе, и, словно у собаки Павлова, литрами стала выделяться слюна. Ира, открыв дверь, сразу убежала к плите, поэтому всю эту красоту я наблюдал в одиночестве.

– Что так долго? – донеслось из кухни. – Я уже волноваться начала.

– В магазине очередь была, – ответил я. – Патруль ещё, по дороге остановил для проверки документов.

– И чего им неймётся? Чего к людям цепляются?

– Служба у них такая. Что там у тебя?

– Всё. Достаю уже из духовки. Вино, пока, открывай.

Не знаю, сказала ли обстановка, или мы действительно соскучились по праздникам, но посидели мы в этот вечер очень хорошо. Когда-то, ещё в той, прошлой, спокойной жизни, я

читал забавный анекдот. Что-то, типа, вчера отключили интернет, пообщался с женой. Оказывается, хорошая женщина. Этот вечер был, как раз, в тему.

Неделю назад нас всех перевели на удалённую работу. Рекомендовалось без особой нужды из дома не выходить. Радовало то, что скорость интернета увеличилась. Власти позаботились о том, чтобы нам работалось комфортно. Да ещё и всем выдали по несколько упаковок масок. Теперь мы не особо трясемься над ними и не сильно их экономим. Но люди всё равно сами шьют маски, пытаясь выделиться из толпы. Даже мода появилась. Чего только там не встретишь! И в горошек, и в цветочек, и с изображением оскаленной собачьей морды, и с ушками... Понятно, что за всем этим люди прячут тревогу, но всё равно, всё это как-то разбавляет серые унылые будни.

Вчера после обеда на карточку упала последняя зарплата. Почти одновременно с извещением о пополнении счёта, по интернету пришло сообщение о том, что моя контора приказала долго жить. Мы с женой стояли возле компьютерного столика и смотрели на монитор, на котором высвечивался текст: «Уважаемые коллеги! Руководство ТОО с сожалением сообщает, что деятельность компании временно прекращается. О возобновлении работы вам сообщат незамедлительно. Спасибо за те годы, которые мы работали вместе».

– Может, это ненадолго? – нарушила молчание жена.

– Надежда умирает последней, – ответил я, прекрасно понимая, что мы скатились вниз ещё на один уровень.

И, ведь, это ещё не самое дно. Мы, чувствую, даже, середины ещё не достигли. А дальше будет всё хуже.

– Главное, что мы вместе и, пока, здоровы. Значит, прорвёмся. Ведь, так? – жена с надеждой посмотрела мне в глаза.

– Так, – я постарался выглядеть, как можно, увереннее.

Ночью периодически были слышны лай собак, время от времени была слышна стрельба, а где-то, недалеко, часов до двух горланила песни пьяная толпа. Сон был тяжёлый, рваный, так что проснулись разбитые и совершенно не отдохнувшие.

– Раз деньги перечислили на счёт, нужно, наверное, за продуктами сходить, – предложил я во время завтрака.

– Да, – согласилась со мной жена. – Наверное, надо сходить, пополнить наши запасы,

– Скажешь тоже: запасы. Слезы одни. Решено! Сейчас соберусь и пойду.

– Я с тобой.

– Уверена? Может, дома останешься?

– Нет. Мне спокойней будет, да и больше унесём.

По устоявшейся за последнюю неделю привычке, нацепили медицинские маски и вышли из дома. Улицы были пусты. Несколько прохожих, хмуро торопящихся куда-то, не в счёт. Не такими были улицы раньше. Всё-таки, район, в котором мы живём, достаточно густонаселённый. По дороге проскочила заляпанная грязью «Нексия» и тут же пугливо нырнула в ближайший переулок. Зато уверенно, нагло, басовито гудя моторами, проследовал БТР в сопровождении двух «Тигров». Мы проводили армейский патруль взглядами и ускорили шаг. Мимо, на полной скорости, тоскливо завывая и сверкая проблесковыми огнями, промчались две скорых помощи. К неотложкам на улицах мы привыкли довольно быстро, поэтому, уже, даже не особо вздрагивали, когда на перекрёстках, вдруг, раздавался душераздирающий треск, сменяющийся воем. Рынок недалеко от дома не работал. Странно. Ещё вчера там бурлил народ, а сегодня – закрыт. Только грустная фигура охранника за решётчатой оградой. Потоптавшись у ворот, мы решили навестить ближайшие магазинчики и тоже были неприятно удивлены. Никто не работал.

– Что стучите? – недовольно пробурчала бабка, выгуливающая противную, облезлую собачонку на потрёпанном поводке. – Проснулись! Все магазины закрыты. Идите, вон, в супермаркет, пока ещё работает.

Супермаркет был, конечно, недалеко, но и не в двух шагах от дома, поэтому мы туда идти, как-то не планировали. Но, раз нет ничего поблизости, придётся переться. Жена встрепенулась и потянула меня за руку.

– Пошли быстрее. Если всё позакрывали, вся округа сейчас туда набежит.

– С чего бы это?

– Думаешь, что только тебе деньги кинули? В конце месяца многие получают. Сейчас там, наверное, столпотворение.

Жена, как всегда, оказалась права. Уже на подходе к магазину у банкоматов стояла толпа, жаждущая снять свои накопления, а в распахнутые настежь раздвижные двери магазина бурлящим потоком вливалась народная река. Навстречу им изнутри выплёскивались ручейки поменьше, которые, сталкиваясь с входящими, смешивались, создавали водовороты, в которых то и дело вспыхивала перебранка. Мы с удивлением смотрели на это столпотворение. Ещё два дня назад, когда я отоваривался в этом супермаркете в последний раз, тут был порядок, а охранники магазина строго следили за соблюдением дистанции в один метр между покупателями. Опасаясь, что денег на всех не хватит, я поспешил занять очередь к банкоматам.

– Ты иди, пока, набирай продукты и жди меня внутри. А то, пока я деньги сниму, там одни пустые полки останутся.

– Тут же можно карточкой на кассе рассчитаться.

– Мало ли. Может, у них считыватели сломались. Вон, народу сколько. Да и наличные всё равно понадобятся. Лучше всё снять, пока это возможно.

Супруга понятиливо угукнула и скрылась в дверях, оставив меня в толпе таких же как и я, жаждущих получить свои, честно заработанные, средства. Народ вокруг был хмурый, весь, какой-то дёрганный, нервный. Поверх обычных медицинских масок тут и там сверкали неприкрытой ненавистью глаза. То и дело вспыхивали перебранки и здесь, а, против особо завозившихся у банкомата, толпа объединялась, становясь монолитной в своей злости. Наконец, я тоже дождался своей очереди, и, стараясь особо не тянуть, под злобными нетерпеливыми взглядами быстро принялся стучать по клавиатуре. Так и хотелось втянуть голову в плечи и вообще, стать маленьким и незаметным, а ещё лучше – невидимым. На мою долю денег хватило. Даже не засовывая купюры в бумажник, я вывинтился из толпы и бросился в магазин.

Жену нашёл в очереди на кассу. Она стояла, уткнувшись носом в воротник, явно не доверяя маске, и опасливо оглядывалась по сторонам, вцепившись обеими руками в латексных перчатках в ручки заваленной до самого верха тележки. Увидев меня, встрепенулась и радостно помахала мне рукой.

– Снял? – был её первый вопрос.

– Да. Всё снял. Кто знает, когда в следующий раз инкассаторы деньги в банкоматы загрузят. И загрузят ли?

– И правильно.

– Что ты там набрала?

– Крупы, макаронные изделия, консервы... Всё как обычно.

– Да. Это сейчас самое главное. А водку взяла?

– Кость, какая водка? Не до пьянки сейчас. Вон, что творится.

– При чём тут пьянка, Ир? Водка это универсальное средство для дезинфекции, снятия стресса и, к тому же, вечная валюта, которая не обесценивается. Сейчас схожу, прихвачу бутылки четыре. И сигарет пару блоков взять надо, которые подешевле.

– Ты же не куришь.

– Это тоже валюта, – вспомнил я прочитанные на досуге рассказы на постапокалиптическую тематику. – Может пригодиться.

У каждого в очереди тележка была загружена не меньше, чем у нас, поэтому очереди к кассам двигались очень медленно. Бедные кассирши трудились в поте лица, но покупатели всё не кончались. Интересно, они успевают пообедать при таком наплыве покупателей? Не боясь опоздать, я неторопливо вернулся в торговый зал и, протискиваясь мимо жаждущих приобрести продукты людей, потянулся к стеллажу со спиртными напитками. Дешёвой водки уже не было, поэтому взял то, что оставалось, стараясь всё равно, ориентироваться на меньшую цену. Взгляд упал на стеллажи с крупами, и мне в голову пришла идея прихватить пару килограмм сухого молока. Я бы и яичный порошок взял, да не было. А жаль. При отсутствии свежих яиц – самое то.

– Где ты ходишь? – зашипела сквозь маску жена, когда я вернулся. – Через одного наша очередь. Что это ты взял?

– Сухое молоко.

– И зачем?

– А ты думаешь, что молочные продукты всегда в продаже будут?

Вот и наша очередь. Я принялся вываливать покупки на кассу, а жена, по мере того, как кассирша, усталая, измотанная девушка с ярким макияжем, пробивала, складывала в пакеты, которые на нас же и закончились. Есть такой закон – закон подлости. Не пойму только, почему он всегда на мне срабатывает. Что, других людей в городе нет? Хотя, тем, кто за нами был, вообще пакетов не хватило. И это при том, что современный покупатель разучился с собой авоськи таскать. Очередь заволновалась, видя, что мы замешкались на кассе, и я, от греха, скинул свою куртку, быстро покидав в неё оставшиеся продукты, свернул в импровизированную котомку и, вслед за женой, направился на выход.

Выйти сразу не получилось. Народ, увешанный пакетами рвался на улицу, чтобы побыстрее добраться до дома и распихать покупки по полкам и холодильникам. Но ещё большая толпа жаждала приобрести продукты, чтобы пополнить свои запасы. Два этих людских потока, как-то, особенно яростно, столкнулись прямо в широких раздвижных дверях. Уступать не хотел никто. Две могучие силы смешались, создавая водовороты, воздух переполнился электричеством, и тут полыхнуло. Кто-то кого-то толкнул, кто-то уронил что-то стеклянное, раздался звон разбивающегося стекла, потом маты и, наконец, драка. Нас с женой тоже завертело в этом людском водовороте, швырнуло об стену и протащило по ней. Я оглянулся на Ирку. Она с испуганным побледневшим лицом, вцепившись в пакеты, пыталась обойти толстую тётку, оказавшуюся между нами. Крики, звуки ударов, стоны, опять маты и, как завершение, грубые мужские голоса, сразу ледяной струёй остудившие градус страстей.

Толпа, как-то поспешно, начала рассасываться и, наконец, в дверях осталось только четверо военных в бронежилетах, касках и респираторах, удерживающих двоих бузотёров с разбитыми лицами. Ещё трое корчились у их ног, не торопясь вставать на ноги. К магазину подъехал автобус с зарешечёнными окнами, и военные сноровисто закинули всех нарушителей спокойствия в его чрево.

– Напоминаю, – громко проговорил старший патруля. – Нарушение порядка в условиях карантина будет наказываться строго.

– Куда их? – робко поинтересовался кто-то.

– В изолятор временного содержания. Завтра судья определит меру наказания.

– Строго, – хмыкнул я, обращаясь к жене.

– Не представляешь, насколько, – услышал моё замечание военный.

В поляризованных стёклах тактических очков не было видно глаз. Только отражение испуганно съёжившейся толпы. Я, на всякий случай, прикусил язык и, дождавшись, когда патруль уберётся восвояси, потянул жену на выход. Вступать в полемику не стоило. Чего доброго,

ещё и сам огребу неприятностей. Тем более, что и жена свободной от пакетов рукой сжала мне локоть, словно я и сам не понимаю.

Дома выяснилось, что в толпе мне порвали на спине свитер и ещё по шву разошлись брюки. В нормальное время бы со стыда сгорел. Виданное ли дело, в порванных штанах по улице щеголять? А сейчас – ничего. Только посмеялись и призадумались. Нужна одежда покрепче. Я вспомнил о том, что где-то на антресолях есть горка, прекрасный костюм из палаточной ткани, который я приобретал, когда увлекался одно время рыбалкой. Увлечение оказалось мимолётным и быстро прошло, а костюм остался. Общими усилиями отыскали его, а, заодно и наткнулись на берцы, о которых я совершенно забыл. Прекрасный набор. Как раз для хождения в магазин в современных условиях. Завтра, всё равно, ещё раз идти, а от подобной свалки, что была сегодня, никто не застрахован. Тут нормальная одежда не выдержит. Не хватало ещё, как-нибудь, домой вообще без штанов прийти.

Жена, пока я распихивал по полкам покупки, быстро поставила чайник на плиту и принялась сооружать бутерброды. Решили обойтись чаем, а кофе, в целях экономии, не трогать. Запахнув последний пакет на верхнюю полку кухонного гарнитура, я вздохнул с облегчением, присел за стол и, отыскав пульт, включил телевизор. На экране появилась панорама какой-то сельской местности, на фоне которой несколько человек в респираторах сбились кучкой, о чём-то совещаясь и, время от времени, что-то чиркая в раскрытых блокнотах. На заднем плане стоял бронетранспортёр, и прогуливалось несколько военных в бронежилетах и с автоматами наизготовку. Камера переместилась вправо и стала показывать небольшую колонну машин у обочины, сгоревших до неузнаваемости. В кювете рядом валялась груда какого-то тряпья. Панорама поехала вперёд, и мы с ужасом увидели, что то, что мы приняли за тряпки, было кучей трупов.

– Это не первый случай! – затараторил диктор за кадром. – По данным полиции, ни один из караванов беженцев из города не смог уехать дальше двадцати километров от границы. Местные жители создали на местах отряды самообороны и пресекают всякие попытки покинуть город, убивая людей и сжигая вещи и машины. Таким образом, по их мнению, они стараются обезопасить себя от инфекции. Хочется задать вопрос нашим властям: сколько ещё будет длиться этот беспредел?

Он говорил что-то ещё, но мы его уже не слушали. С ужасом смотрели мы друг на друга и не могли понять одного: откуда в нашем просвещённом двадцать первом веке могла появиться эта чудовищная жестокость. Люди бежали. Бежали от беды, от страха дальше жить в этом съёжившемся от ужаса городе, а их тут же, на дороге, останавливают и убивают. И, ведь, даже не из-за барахла, которым обычно набиты машины беженцев. И не ради самих машин или других ценностей. А, только за то, что их посчитали разносчиками заразы. И это после того, как на выезде из города все проходили необходимые тесты на наличие заражения. Инфицированного бы ни за что не выпустили, а, скорее, тут же бы схватили и изолировали бы от остальных вместе с теми, кто ехал с ними в одной машине. Просто местные так решили. Как в средние века, когда по одному только подозрению обвиняли человека в колдовстве и сжигали. И это было страшно.

– Это не розыгрыш? – пришла в себя первой Ирина.

– Вряд ли. Кто в такое время решится на такое? Боюсь, что всё это правда. Жестокая, отвратительная, но правда.

– А что будет, когда они рванут сюда? Все эти отряды самообороны разом хлынут в город?

Жена была на взводе. Глаза покраснели, заблестели влажно, а в голосе появились истеричные нотки.

– Не бойся, – поспешил успокоить её я. – Сюда они не придут. Если они считают, что все, кто выезжает из города, обязательно заражены, то город, по их мнению, и есть один большой источник инфекции. Не сунутся они.

– А нам как жить?

– Так же, как и живём. Когда-нибудь это кончится. Не может кошмар длиться вечно.

Кошмар. Я впервые употребил это слово и сам поразился точности такого сравнения. Действительно, всё это похоже на один большой кошмар. И проснуться невозможно. Какой-то звук мешал сосредоточиться. Я поморщился и вынырнул из своих размышлений. На плите свистел чайник, испуская из носика мощную струю пара. Ах, да! Мы же собирались перекусить! Я потянулся и выключил конфорку. Софья спохватилась и принялась заваривать чай. За окном раздалась автоматная очередь, не далёкая, как раньше, а совсем близкая. Почти под самым окном. Топот ног, крики, опять очередь. Мы синхронно вздрогнули, и жена вскочила на ноги, чтобы посмотреть.

– Не надо, – остановил я. – Не хватало ещё шальную пулю схватить.

Ирина кивнула и опять уселась за стол. Настроение, изрядно подпорченное телевизионным репортажем, окончательно испарилось. Я пощёлкал кнопками на пульте и наткнулся на какую-то комедию. Что ж, посмотрим комедию. Хватит с нас унылых репортажей.

Утром опять собрался в супермаркет. Решили, что ещё гречки не помешает. Кроме того, фасоли и муки докупить не мешало бы. Да и водки ещё бы бутылок пять, пока есть, хоть в среднем ценовом сегменте. Сигареты тоже не лишними будут. Влез в горку, в берцы, надел сверху куртку, тоже купленную на рыбалку, и потому, крепкую и неприхотливую к грязи. Вроде, всё. Готов. Вспомнил про заминку с пакетами на кассе вчера. Пора привыкать к наступившей, мало-приятной реальности и продумывать каждый свой шаг.

Пакетов дома было полно, но, если опять будет давка, то они могут порваться в толпе. Целлофан штука ненадёжная. Что бы предпринять? Жена притащила довольно объёмистую спортивную сумку, но я уже вспомнил о рюкзаке. Всё-таки, полезно заниматься рыбалкой! Был у меня такой. На двадцать пять литров. Самое то. И унести можно много, и руки свободные. Привычным жестом нацепил маску, поморщился от тугих резинок, сдавивших за ушами, и вышел из дома.

– Перчатки надень! – крикнула мне вслед Ира.

– Потом, – отмахнулся я и, не слушая ничего больше, быстро побежал вниз по лестнице.

Ледяной промозглый ветер тут же залепил хлёсткую пощёчину, стоило мне только выйти из подъезда, и сразу попытался залезть под куртку. Не тут-то было. Я подтянул язычок замка до упора и застегнул под подбородком липучку воротника. Погода стояла отвратительная. Низкие тучи волочились по серому небу, скупо роняя на землю редкие снежинки, а с деревьев на параллельной улице сорвалась огромная стая ворон и с громким тревожным карканьем полетела куда-то над моей головой. Я поёжился, покрутил головой и, преодолев внезапно возникшее желание вернуться в уютную квартиру, двинул через двор наискосок. Плестись по улице категорически не хотелось, поэтому решил срезать дворами.

Их я заметил издали, но не придавал значения. Подумаешь, сидят на детской площадке человек шесть великовозрастных лоботрясов и передают друг другу косячок. Сладковатый запах горячей конопли, улужливо принесённый ветром, пробился даже сквозь ткань маски. Отметив про себя, что есть ещё люди, относящиеся к своему здоровью наплевательски и не носящие масок, я продолжил свой путь по дорожке мимо них.

– Оппа! Смотрите, кто идёт! – этакий подленький приклатнённый голосок не сулил ничего хорошего.

– Это наш спонсор идёт! – вторил ему второй, хриплый и, кажется, даже, шепелявый.

Все шестеро обрадованно вскочили на ноги и двинулись в мою сторону развинченной походкой. Я, аж, застонал от досады. Ну чего мне стоило пойти по улице, где постоянно мотаются патрули? Нет же, попёрся через дворы. Лишнюю головную боль заработал. Ясно же, что против шестерых двадцатилетних парней я не пляшу ни под каким соусом! Даже убежать не смогу. Догонят. Они молодые, быстрые. Даже учитывая их скуренные лёгкие, пропитанные гашишем. Мучительно ища выход из положения, я попятился, с надеждой оглядываясь по сторонам. Ну, хоть бы, кто-то! Пустой двор, и только эти шестеро, абсолютно обнаглевшие от безнаказанности. И я – потенциальная жертва.

В кармане у меня значительная сумма, но это не так страшно. Я почти на сто процентов уверен в том, что банальным выворачиванием карманов дело не обойдётся. Будут бить. Сильно, жестоко и с наслаждением. Так, как умеют только такие подонки, упивающиеся своим превосходством. Нога за что-то зацепилась, и я чуть не упал. Пришлось оторвать взгляд от приближающихся и посмотреть вниз. Кирпич. Точнее, обломок. Довольно увесистый, в половинку даже, наверное. Быстро нагнувшись, я поднял его и, оттянув руку назад, сделал вид, что собираюсь его метнуть. Парни остановились, не решаясь двигаться дальше, и с опаской посмотрели на моё импровизированное оружие.

– Брось камень, папаша, – шепеляво проговорил один из них и тягуче сплюнул через дырку в неровном ряду жёлтых зубов.

– Брошу, – заверил его я. – Обязательно брошу. Кому-нибудь из вас в голову. Хоть одному череп проломить успею.

– Не бузи, папаша, – как-то не особо убедительно протянул другой. – Ничего ты со своим кирпичом не сделаешь.

– Может, проверим.

– Слышь, мужик! – обратился ко мне первый. – Может, тихо разойдёмся? Ты нам свои бабки отдашь, а мы тебя тихо и спокойно отпускаем. И все довольны. Ты – здоров и цел, а мы себе на похмель получим.

– Обойдётся, – вестись на такой примитивный развод я не собирался.

Ситуация создалась патовая. Парни нападать боялись, но и уходить никак не планировали. А я тоже никак не мог развернуться и уйти. В голове мысли мелькали со скоростью света, но ни за одну не удавалось зацепиться. Ясно было только одно – так долго продолжаться не могло. Я выиграл время, но не переломил ситуацию. Нужно делать следующий шаг, но ничего путного в голову не лезло. Ситуацию спас полицейский патруль, который, не иначе, как Божьим промыслом, забрёл в этот двор. Два сержанта и один старший лейтенант, но с пистолетами в поясных кобурах, которые они тут же выхватили и направили на нашу тёплую компанию.

– Всем стоять! – скомандовал старлей. – Кто дёрнется, стреляем без предупреждения.

Парни застыли, с опаской оглядываясь на направленные на них стволы. Похоже, что они и сами уже жалели, что прицепились ко мне. Да и у меня первая радость прошла. Теперь в душе стала расти тревога за то, чем всё это закончится. Станут ли разбираться патрульные, кто прав, а кто виноват в этой ситуации? Или просто вызовут машину и отправят нас в СИЗО? Сходил в магазин, называется. И чего мне по улице не идти было?

– Что здесь происходит? – поинтересовался офицер.

– Да мы вообще не при делах, начальник! – гнусаво затынул один из парней. – Сидели тихо, не отвечивали. А тут этот с кирпичом начал на нас бросаться.

– Гражданин, – обратился старлей ко мне. – Ваши документы!

Я выпустил обломок кирпича из рук и достал свой паспорт из внутреннего кармана.

– Что произошло? – поинтересовался старший лейтенант, изучив мои документы.

– Хотели меня пощипать на предмет денег, – кивнул я на парней.

– Мы, в принципе, так и поняли. С нами поедете?

– Зачем?

– Заявление писать на этих.

– Нет. Вы у них в карманах покопайтесь. Точно травку найдёте. Этого им выше крыши хватит в нынешних условиях.

– Если найдём, точно мало не покажется. Ладно, идите. И по дворам больше не шарайтесь.

Не теряя времени, я быстрым шагом направился между домами к улице, ругая себя на чём свет. Там, сейчас, точно, гораздо безопаснее. Уже выходя на асфальт тротуара, услышал в отдалении несколько сухих пистолетных выстрелов. Кажется, их было шесть. Стараясь не думать о плохом, добежал до супермаркета и остолбенел. Такое впечатление, что накануне тут произошла грандиозная битва. Разбитые витрины, выломанные раздвижные двери, труповозка, в которую грузили кого-то вперёд ногами, несколько скорых, в окнах которых мелькали пербинтованные головы, аж, четыре «Тигра» и оцепление из молчаливых военных в респираторах и защитных очках, с автоматами наизготовку. Похоже, на сегодня шопинг откладывается.

Стараясь не попасть на глаза оцеплению, я развернулся и потопал восвояси. День не задался, и сейчас я хотел только одного – побыстрее попасть домой. По дороге домой, мне пришло в голову, что ни один из патрулей мне лично ничего плохого не сделал. Даже, наоборот, страшно представить, что было бы, если не было их на улицах. Одно только моё сегодняшнее приключение тому пример. Откуда, тогда, такой страх, даже не страх а постоянное ожидание опасности, когда они рядом? И паника в голове, когда они подходят к тебе, чтобы просто проверить документы? Вот, что бы мне не подойти и не поинтересоваться, что же, всё-таки, случилось в супермаркете? А, ведь, побоялся. Наверное, в нас это подсознательное. Генетическая память родом из тридцатых годов прошлого века, когда заезжающая во двор чёрная машина не сулила ничего хорошего.

Опять пришли на ум недавние несостоявшиеся грабители и те выстрелы, что донеслись до меня. Хотя, почему я уверен, что это были выстрелы? Может, мне что-то показалось, а остальное я просто додумал? Ведь, так бывает? Но, почему, тогда, они не вызвали машину, чтобы доставить тех гопников в СИЗО? Точно! Машину они не вызывали, хотя у каждого из них на разгрузках исправно хрипели рации. Или они вызвали машину потом, после того, как я ушёл, а всё остальное, просто плод моей фантазии? Не знаю. Голова кругом идёт.

Жена с удивлением посмотрела на меня, когда я зашел в квартиру и бросил пустой рюкзак возле двери. Видя, что я в полном раздрае, Ирина мудро не стала ничего спрашивать и сразу ушла в комнату к компьютеру. Я благодарно проводил её взглядом, скинул ботинки и пошёл на балкон снимать горку. С некоторых пор это стало, чуть ли не традицией: снимать уличную одежду на балконе. Говорят, так безопаснее. Потом, мыть руки. Обязательно с мылом и, желательно, под горячей водой.

– Успокоился? – зашла жена в кухню, когда я сидя за столом, прихлёбывал временно запрещённый кофе.

– Да. Ты же знаешь, что кофе меня успокаивает.

– Знаю. Но, учти, что его у нас не так уж и много.

– Учту.

– Так, что же случилось?

– Супермаркет разграбили.

– Как?

– Ну, может, не совсем разграбили. Я особо не интересовался. Но оцепление было, труп на моих глазах грузили, и пострадавшие в скорых. Ещё витрины разбитые, двери раскуроченные... Жесть, короче.

– Ты из-за этого расстроился?

– Да, – про своё неудавшееся ограбление во дворах я предпочёл не рассказывать.

– Нашёл из-за чего!

– Ты не понимаешь! Разграбленный супермаркет, это только начало! Первый звоночек!

– Эк хватил! В городе патрулируют полиция и военные, у них оружие. Да они пресекут любые поползновения. Я уверена, что уже завтра супермаркет заработает снова.

Дальше спорить не хотелось, и я благоразумно промолчал. Хотелось бы мне иметь такую же уверенность. Странно, но сейчас мы поменялись с ней местами. Раньше я её успокаивал, что всё пройдёт, уладится, этот проклятый «Тай», наконец, зайдёт, и мир вернётся в прежнюю колею. А сейчас она меня уверяет, что всё не так уж и страшно. Хотя, честно говоря, этот супермаркет меня точно выбил из себя.

Сегодня у нас в подъезде нашли заражённых. Аж в двух квартирах: на первом и на четвёртом этажах. Свершилось то, чего мы так боялись. Наш подъезд посадили на карантин. Теперь связь с внешним миром только по телефону и интернету. Ну, ещё и новости по телевизору. Такой подлянки от судьбы я точно не ожидал. Бесился до самого вечера и психовал, словно ребёнок.

– И чего ты своим психом добьёшься? – не выдержала, в конце концов жена.

– Теперь никуда не выйти! – я был вне себя от негодования.

– Можно подумать, что ты вот так побесишься, и всё изменится.

– Да, зла не хватает! – я, наконец, понял, что выгляжу глупо.

– А, типа, ты, обычно, с утра и до вечера по городу шарахаешься.

– Не в этом дело! Просто, теперь я не смогу выйти, когда захочу! А, если мне действительно надо на улицу?

– Придётся потерпеть. Вот, флаеры принесли.

– Что за флаеры?

– Телефоны, по которым можно заказать продукты и товары первой необходимости. А ещё, график дезинфекции и уборки подъездов.

– И зачем нам этот график, если даже из квартиры не выйти?

– Чтобы знать, к какому времени выставить за дверь мусор. Нас же к мусорным бакам не выпустят, а тонуть в мусоре дома никто не собирается. Это же дополнительная антисанитария.

– Всё продумали, гады. Заточили в темницу!

– Ничего. Главное, самим эту заразу не подхватить. А остальное мелочи. Не до конца же своей жизни мы обречены на сидение в четырёх стенах! Тем более, что в городе что-то намечается.

– С чего ты это взяла?

– Через полчаса по местному телеканалу брифинг главного санитарного врача города.

– Не думаю, что в нынешней обстановке он скажет что-нибудь хорошее. Скорее всего это будет ужесточение правил.

– Да, куда уже жёстче!

– Поверь мне – есть, куда.

– Ты уверен?

– Нет, конечно. Это я от вредности. А жесткач у нас, положи руку на сердце, ещё не начинался. Вот, когда, будем перебегать от угла до ближайшего дерева, опасаясь патрулей, тогда уже будет жесткач.

И, ведь, накаркал! В городе вводится полный карантин. Передвигаться по городу можно только до ближайшего магазина или аптеки и выгул домашних животных в радиусе ста метров. Исключение – только для экстренных и коммунальных служб. Всё! Приплыли! На фоне такой новости наше вынужденное сидение уже не показалось мне таким уж страшным. Практически, мы не так уж и ущемлены, по сравнению с другими жителями.

После брифинга сразу пошла краткая сводка обстановки по городу. Тоже весёлого мало. Выявили ещё один очаг инфекции. За последние полдня прибавилось ещё тридцать восемь человек и сейчас заражённых по городу стало тысяча двести шестнадцать. И ещё шестьсот три умерших. Число выздоровевших всего четыре, но это, скорее всего, совершенно случайные варианты. Медики во всём мире так и не разобрались, как, всё-таки, лечить эту гадость. Чрезвычайно мутагенный вирус. Только, вроде, нащупали вакцину, а он, раз, и мутировал.

Чтобы отвлечься от удручающей обстановки в городе, я переключился на мировые новости. Лучше бы не переключал. Шестьсот сорок четыре миллиона с лишним заражённых, летальных исходов восемьсот тысяч с копейками. И это без учёта стран, с которыми потеряна связь. А связь потеряна ещё с восемью государствами. Евросоюз распался, и сейчас каждая страна возводит по своим границам непроходимые кордоны. Похоже, весь мир летит в тартарары. Но, всё равно, не верится, что это полный конец. Просто, не может такого быть. Скоро лето. Уже сейчас за окном распустились деревья, зазеленела трава на гозонах, а воздух наполнен пьянящими весенними ароматами. И на фоне этой красоты – смерть, словно косой, одним взмахом выкашивающая тысячи человек.

Я часто сижу у окна, ощущая, как буйная весна нагоняет на меня тоску. Сейчас бы на природу, на шашлыки с друзьями. Мы всегда по весне выбираемся за город. Лето у нас жаркое, и вся зелень выгорает, деля плазнэры не очень приятными. Так что, по весне выезды на природу – самое то. Оторваться по полной программе. Отдохнуть, выпить, повеселиться. Но, не судьба. Проклятый «Тай» сломал все планы. А впереди – летний отпуск, который мы с женой планировали провести в Черногории. Похоже, плакал наш отдых.

Пошла вторая неделя карантина. Вроде, и радоваться надо, скоро свобода, а радости и нет. Где эта свобода? Город заполнен патрулями, людей хватают прямо во дворах и тут же учиняют допрос с пристрастием: кто такой, зачем тут и куда идёшь. Рядовой выход за булкой хлеба или килограммом картошки может обернуться ночью в обезьяннике ближайшего РОВД. Зато по телевизору круглосуточно крутят комедии и другие жизнеутверждающие фильмы. Видимо, по замыслу руководства, всё это должно поднимать нам настроение. Но выходит по-другому. Шутки, в большинстве своём, кажутся плоскими, сценки – натянутыми, а свободные гуляния героев на свежем воздухе без масок и постоянного риска нарваться на патруль вызывали вообще, зубовный скрежет. Они там по парку гуляют, а тут на улицу не выйдешь.

Зато чаще стал звонить сын. У них там тоже тревожно, конечно, но до нас им далеко. Ввели масочный режим, оборудовали санитарные зоны, усилили бдительность и чаще стали мыть руки. По области у них тоже появилось несколько очагов, но места там всё больше дикие, населённые пункты находятся друг от друга на приличном расстоянии, так что, локализовать отдельный очаг труда не составляет. Тем более страшно ему было узнавать то, что у нас творится. Обычно, разговор начинался с очередного выговора за то, что мы в своё время отказались приехать к нему, пока была такая возможность.

Я отшучивался, а временами, вообще, огрызался. Ну, чего уже, ворошить старое? Кто же знал, как всё обернётся? И, кто мог предвидеть, что мы все лишимся работы и, что естественно, заработка? Тогда, самое главное для нас, была работа. Не хотелось садиться на шею сыну, у которого давно своя семья. Мне и сейчас этого не хочется, но, с высоты сегодняшнего положения, я понимаю, что и там можно было подыскать себе что-нибудь. Но вслух я, естественно, свою ошибку не признавал, и старался держаться бодрячком.

Смерть прочно обосновалась в городе. Из окна видно, как по городу снуют армейские машины с брезентовыми тентами, закрывающими кузов. Тенты зашнурованы наглухо, так что понять, что перевозится внутри, невозможно. Друг по телефону сказал, что это труповозки с армейскими похоронными командами. Напротив, в соседнем доме, в нескольких окнах круг-

лые сутки горит свет. Не хотелось бы думать о плохом, но, пожалуй, там уже нет ничего хорошего.

Постучалась соседка и сказала, что полицейского поста возле подъезда нет. Первый этаж уже успел с оглядкой, осторожно, прогуляться по двору. Я вышел на лестницу и спустился нижнюю площадку первого этажа, где уже собиралось импровизированное собрание недоумевающих жильцов. Странно. Ведь до снятия с нас карантина ещё три дня. Что вообще творится? Ситуация постарался прояснить сосед со второго этажа.

– Да чё тут думать? В армии повальное дезертирство, менты пачками на стол начальству рапорта об увольнении кладут. Им сейчас, тупо, не до нас.

– Хватит нам лапшу на уши вешать! – взвизгнула тётя Тая, крайне потёртая женщина с первого, которую я видел всегда в одном и том же застиранном халате.

– Не вешаю я никакую лапшу! Точно вам говорю!

– Ага. Все предприятия закрыты, люди без средств к существованию остались, а менты добровольно от работы отказываются? А за дезертирство, вообще, расстрел!

– Нет никакого расстрела сейчас, – авторитетно заверил Витёк, бывший прапорщик, проживающий на пятом этаже. – Срок – да, есть. А расстрела нет.

– А менты... – опять этот знаток со второго этажа. – Сутками по улицам в любую погоду лазить, не зная, что в этот момент с семьёй происходит, желающих всё меньше и меньше. Да и процент заражённых среди ментов большой.

– А откуда ты знаешь это? – подозрительно прищурился дядя Гриша, в котором я давно подозревал сексота, только ещё не определился, на какую службу он, всё-таки, работает.

– Свойка звонил, рассказывал, – пояснил сосед. – Он во вневедомственной охране работает. Их тоже к карантину привлекают в последнее время. Так, он всё это своими глазами видел.

– Похоже на правду, – это уже тот самый сосед с четвёртого, который, то ли Васька, то ли Женька. – Патрулей меньше стало.

– Тебе-то откуда знать? – вызверилась на него тётя Тая, хронически недолюбливающая то ли Ваську, то ли Женьку. – Ты же на четвёртом, почти на самой верхотуре живёшь.

– Так оттуда дальше видно. И деревья не мешают.

Интересно. И как это понимать? Что дальше делать? Нам можно выходить на улицу, или всё станет ещё строже? Хотя бы во дворе можно гулять? Я бросился домой и включил телевизор. И тут облом. Местный канал отозвался пустотой. Просто тёмный экран с логотипом в верхнем правом углу. Похоже, местное телевидение накрылось. Я пробежался по другим каналам, мельком отмечая появляющиеся на экранах дымы от горящих шин и автомобилей, разбитые витрины, безобразные, искажённые ненавистью орущие лица и закованные в латы, словно древнеримские (или древнегреческие? Не помню) гоплиты, полицейские, машущие своими дубинками направо и налево.

Вчера умер то ли Васька, то ли Женька. Солдаты в противогазах, закутанные в ОЗК, чертыхаясь волокли его тяжеленную тушу на армейских носилках по узкой неудобной лестнице, а следом под конвоем вели его тощую заплаканную жену и ничего не понимающих сына и дочку. Я как раз открывал дверь, чтобы выйти, но сразу опять закрыл её и наблюдал всю картину через глазок в двери. Было немного стыдно за своё малодушие. Испугался, как пацан, забился в свою норку и подглядываю исподтишка. Правда, я очень быстро себя успокоил тем, что мы никогда не дружили с покойным, и проводить его в последний путь, рискуя подхватить «Тай», а потом ещё передать Ирке, было бы глупо.

Но, всё же, сосед с четвёртого этажа напоследок успел подгадить. Пришлось ждать. Сначала, пока специальная команда дезинфекторов обработает всю лестничную клетку, потом, пока вся эта дезинфекционная гадость не выветрится. Потерял часа три. Вонь проникала, даже,

сквозь плотно закрытую дверь, поэтому пришлось открыть все окна и с женой пить чай на балконе.

– Может, не надо сегодня мусор выносить? – попыталась отговорить меня от выхода на улицу Ирина.

– А хлеб? Нам же нужно ещё хлеб купить.

– Лепёшки напечём.

– Лепёшек наедемся ещё, когда последние магазины закроются. А пока, я хочу нормального хлеба поесть.

– Может, мне с тобой сходить?

– Думаю, не стоит. Мне спокойнее будет.

– А мне какво, когда ты там шарахаться будешь? Ты об этом подумал?

– Ничего со мной не случится.

– Ага. Сидеть и гадать, пристрелили тебя там, или загребли при очередной облаве я не хочу.

В последнее время, действительно, военные регулярно проводят облавы, стреляя всех, кого увидят. Вадика с третьего этажа тоже загребли. Рассказывал, что их привезли в железнодорожное депо, загнали в какой-то ангар и по одному вытаскивали оттуда на экспресс-тесты. Потом, правда, развезли по домам, но просидел он в этом ангаре почти сутки без еды. Только воду давали. По пластиковой полторашке на человекка. А стрельба стала уже привычным явлением. Автоматные очереди даже днём не редкость.

Власти, похоже, в городе уже нет. Полиции – тоже. Остались одни военные, а они, как-то, не привыкли церемониться с гражданским населением. Поэтому действовали чрезвычайно жёстко. Это мы с недавнего времени испытали на своей шкуре. Жену удалось уговорить остаться дома, хоть я её вполне себе понимал. Тяжело сидеть сутками в четырёх стенах, имея возможность только изредка прогуляться возле дома в готовности быстро юркнуть в подъезд. Десять шагов направо по дорожке, десять – налево. Вот и вся прогулка. Но брать её с собой и этим подвергать её опасности я не хотел.

Быстро спустился вниз, осторожно приоткрыл подъездную дверь, огляделся, и, уже, смелее вышел на улицу. Двор был привычно пустым, только возле разноуровневых турников, на которых до эпидемии гроздьями всегда висели детишки, расположилась на солнышке стая облезлых бродячих собак. Они подняли головы и ленивыми взглядами проводили меня до мусорных баков. Однако, стоило мне поставить свой пакет с мусором рядом с переполненными контейнерами, как вся стая поднялась на ноги и трусцой подалась проверять, что это такое я выбросил, и нет ли там чего съедобного. Похоже, мусор не вывозили уже несколько дней. Баки завалены так, что их и видно, а в радиусе ста метров ветер гонял бумаги, целлофановые пакеты и ещё какую-то мелочь.

Я, оглядевшись ещё раз, юркнул между домами и, перед тем, как выйти на тротуар, посмотрел вдоль улицы в одну и в другую сторону. Никого не было. Проклятый вирус! Превратил нас в подобие крыс или тараканов. Сидим по своим норам и боимся высунуть нос. А, если, всё-таки, выползаем, то пугаемся каждого шороха. Даже противно. И никуда не денешься. Мне, как-то, не улыбается сутки в обезьяннике просидеть, или ещё в каком-нибудь накопителе. Ведь, ничего предосудительного не делаю. Просто иду в магазин, чтобы купить пару булок хлеба на свои собственные деньги.

Супермаркет, кстати, так и не заработал. Зато недалеко от дома открылась торговая палатка, где можно было приобрести всё самое необходимое. Ну, может, не всё, но хлеб, питьевая вода в полуторалитровых пластиковых бутылках, крупы, спички, мука, сахар и соль были всегда. А ещё зубная паста, мыло, стиральный порошок, зубные щётки, одноразовые станки и что-то ещё по мелочи, включая предметы женской гигиены. Выбора, конечно, никакого, но, хоть, что-то. Не знаю, что бы мы делали, если бы не она. Спасибо военным, позаботились о

местном населении. Таких палаток по городу много пооткрывали, и возле каждой дежурил пост из трёх автоматчиков. Это были единственные военные, которых мы не боялись. Они ни к кому не цеплялись, а просто стояли немного в стороне и следили за тем, чтобы соблюдался порядок, и не было случаев мародёрства.

Сегодня хлеб давали только по одной булке в одни руки. Я, даже, на секунду пожалел, что не взял с собой жену. Тогда бы две булки купили. Но, всё же, подвергать опасности свою вторую половинку как-то не хотелось бы. Обойдёмся. В крайнем случае, лепёшки напечём. Засунув хлеб, пачку макарон, концентрат горохового супа и баклажку воды в рюкзак, я пробился сквозь очередь и отошёл от палатки. Удивило, что сегодня поста автоматчиков не было. Рокот мощного двигателя услышал издали. И, судя по нарастающей громкости, машина ехала в нашем направлении. Я оглянулся на звук и увидел армейский «Урал» с кунгом, на бешеной скорости летевший в нашу сторону.

Вид надвигающейся огромной машины вогнал в меня в полный ступор. Я просто стоял и с ужасом смотрел, как решётчатая морда, выкрашенная в цвет хаки, приближалась, всё увеличиваясь в размерах. Мир сузился до тёмно-зелёного пятна капота и бледного овала лица водителя за лобовым стеклом. В последний момент, когда я уже попрощался со своей жизнью и приготовился быть размазанным по асфальту тонким равномерным слоем, «Урал», вдруг, вильнул в сторону, позволив мне рассмотреть на расстоянии каких-то пятнадцати-двадцати сантиметров деревянную обрешётку кузова, неряшливо покрашенную в зелёный и местами расщепившуюся и потрёпанный брезент тента, влетел в очередь и, расшвыривая людей, как кегли, смял палатку. Двигатель заглох, и в наступившей мгновенно тишине только были слышны чьи-то слабые стоны, потрескивание где-то в двигателе и, почему-то, журчание. Почему журчание? Откуда тут источник воды? Может, гидрант сбил? А откуда тут гидрант?

Я, ещё не веря, что уцелел, обошёл машину и глянул на разбросанные вокруг тела. С первого взгляда стало ясно, что живых тут не было и не могло быть. Зрелище, вообще, напоминало кадры из фильмов ужасов. Что-то про расчленёнку. Стон и журчание доносилось из-под смятой палатки. Я приподнял жёсткое полотно и увидел продавщицу, изломанной куклой лежащую на скомканном, словно бумага, прилавке. Она была почти без сознания, в какой-то прострации, мертвенная бледность заливала всё лицо, а из руки, точнее из культи, бывшей, когда-то правой рукой, струёй, с журчанием, вытекала кровь, тут же стекая в канаву тёмно-красным ручейком. Оторванная рука валялась чуть дальше, между рассыпанных по земле пластиковых бутылок с водой, булок хлеба и рассыпавшихся круп. С трудом подавив подкатывающую к горлу тошноту, я подобрался к женщине, но помощи моей уже не потребовалось. Стон оборвался на полуноте, а на меня глянули медленно стекленеющие глаза. Умерла. Журчание прекратилось, и тёмно-красный ручейок иссяк, тут же, прямо на глазах, подёргиваясь маслянистой плёнкой.

Внезапно накатила злость. Такая ослепляющая, раскалённая, выжигающая все разумные мысли и побуждающая крушить, рвать и уничтожать. Я выбрался из-под остатков палатки, подскочил к машине, рванул дверь в готовности убить этого водителя и осёкся, наткнувшись на, уже вторые за этот день, стеклянные глаза. Мёртвый водитель лежал на руле, повернув ко мне голову. Тактически очки были сдвинуты на лоб, а респиратор съехал вниз, открывая лицо, испещрённое горячечными пятнами. Я отскочил в сторону, огляделся и бросился наутёк. Только возле подъезда появилось запоздалое сожаление, что не прихватил автомат водителя, валяющийся на полу кабины. Хотя, не хватало ещё, чтобы меня забрали за кражу оружия.

Телевидение накрылось окончательно, и теперь то, что происходит в городе, мы узнаём только из слухов. Благо, тётя Тая и сосед со второго этажа имели хороших информаторов. У первой была сильно разветвлённая сеть сплетниц по всему городу, а у второго – его свояк, который сейчас, то патрулирует улицы, то дежурит на блок постах и, конечно, в курсе ситуации,

как её видят военные. Так что у нас есть редкая возможность оценить события сразу с двух сторон.

А ситуация не радовала, мягко говоря. Власть куда-то слилась, и сейчас рулит армия. Город вымирает, морги переполнены, а военные хоронят умерших в братских могилах, вырытых экскаватором. Все силы брошены на сбор тел по квартирам и домам и вывоз трупов. Даже количество патрулей снижено до минимума, потому что людей не хватает. Зато мародёрство расцвело пышным цветом. Магазины, склады, рынки, всё подвергалось разграблению.

На центральном рынке мародёров накрыл патруль, и развернулась самая настоящая битва. У гражданских оказалось несколько охотничьих ружей, при помощи которых они надеялись отогнать военных или, на худой конец, перестрелять их. Солдаты оказались, тоже, не робкого десятка. Вызвали подкрепление, заняли позиции и вступили в бой. Говорят, гражданских там около десяти человек погибло. Ну и одного солдатика, вроде, тоже зацепило. Но это не точно. Военные такие данные не разглашают, а гражданские и приукрасить могут. Хотя, они бы человек пять, хотя бы, нафантазировали. Невелика победа – один раненный.

А люди в городе вооружаются. И никого не останавливает даже то, что, если патруль найдёт у тебя оружие, могут расстрелять на месте. Перестрелки стали уже обычным явлением, и я старался вообще не выходить из дома. Не всегда это получалось, конечно. За тем же хлебом в восстановленную палатку, например, раз в два-три дня ходить приходилось. Не именно за хлебом, конечно. Постоянно вылезает что-то нужное. То зубная паста, то станки для бритвы, то порошок стиральный. Стирать с этой эпидемией приходилось нереально много. После каждого выхода, в машинку забрасывалась вся одежда, которая была на нас. И ничего не поделаешь. Не хочешь зацепить заразу – соответствуй. А хлеб – попутно. Раз выдалась возможность, почему бы и не купить?

Интернет ещё работал, поэтому о том, что творится в мире, мы были в курсе. Хотя, новости не бодрили, а загоняли во всё более глубокую меланхолию. Испания пропала, Германия и Великобритания распались на множество мелких стран, а Польша вторглась в Калининградскую область, и сейчас там идёт самая настоящая война. Что-то мы катимся, катимся, катимся вниз и никак не можем остановиться. Когда же будет дно, наконец? Хоть какое, лишь бы была стабильность и дальше не было ещё хуже. Хочется, наконец, надеяться на улучшения.

– Ты не обратил внимания, что в последнее время мне приходится успокаивать и утешать тебя всё чаще и чаще? – заметила мне жена как-то вечером, после очередного просмотра новостей в интернете.

– Не понял, – аж подавился я глотком чая.

– А что ты не понял? Может, прекратишь, наконец, ныть, что всё пропало, всё плохо, и вообще, мы скоро умрём?

– Я так не говорил.

– А ты послушай себя, как-нибудь, со стороны.

– Неужели, всё так плохо?

– Опять?

– Нет. Я сейчас про себя.

– Ты раскис. Раскис и опустил руки. Встряхнись, наконец! Вспомни, каким ты был до всей этой эпидемии! Где мой муж, который никогда не падал духом и в любой ситуации говорил: «Прорвёмся»?

Ощущение было такое, словно на меня вылили ведро холодной воды. Внезапно, всё, что происходило со мной в последнее время, предстало передо мной совершенно в ином ракурсе. Что я делал для того, чтобы нам было легче пережить нынешнюю катастрофу? За хлебушком ходил, трясясь, словно осиновый лист, перебегая от угла до угла и паникуя, как только услышу звук автомобильного двигателя? Или сидел и плакался на кухне, как тяжело нынче стало жить? Хотя, жить, действительно стало тяжело. Деньги на исходе, а источника доходов нет и не пред-

видится. Но это не оправдание. Вместо нытья нужно думать, как выживать дальше. Доллары, которые мы отложили на поездку в Черногорию, превратились в бесполезные бумажки, и сейчас никакой ценности не представляют. Даже обидно. От себя отрывали лишнюю копейку, в обменник бежали, покупали, а тут такое. Лучше бы ни в чём себе не отказывали. Но, всё же, что делать? Как изменить ситуацию, хотя бы в отдельно взятой семье? Наверное, для начала перестать ныть и выглядеть бодрячком, как бы погано ни было на душе.

Опять вспомнился тот автомат, который валялся на полу в кабине у мёртвого водителя «Урала». Всё-таки, нужно было его забрать. В такие времена Калашников с тридцатью патронами в магазине – серьёзный аргумент. Хотя бы для того, чтобы обезопасить свой дом от грабителей. А то, они, уж очень сильно, распоясались. Только вчера обнесли четыре квартиры в соседнем подъезде. Причём, жильцов не пощадили. После себя одни трупы оставили. Действовали нагло, не торопясь. Машину подогнали к подъезду, чтобы побольше вывезти. Пользуются тем, что патрулей очень мало сейчас. Все солдаты брошены на утилизацию трупов. В принципе, военные правильно делают. Ещё не хватало эпидемии ещё какой-нибудь заразы из-за разлагающихся тел. Но о порядке на улицах остаётся только мечтать. Как и о собственной безопасности.

Разговаривали с сыном. У них, как и обычно, всё протекает гораздо спокойнее. Количество заражённых, конечно, тоже выросло, но порядок есть. Они собираются уезжать из города, пока это ещё можно. Родня Татьяны, его жены, живёт где-то в горах, в небольшой деревушке, и они решили переждать эпидемию там. Здоровое решение. Вряд ли «Тай» туда доберётся. Мы порадовались за них от всей души. Всё-таки, приятно осознавать, что, хоть, детей минует то, что мы сейчас переживаем. Сын по интернету переслал нам карту, на которой обозначил эту деревню.

Жена тут же распечатала её на принтере, хоть я и не понимаю, для чего. Но, если хочет, почему бы и нет. Во время всего разговора меня не покидало ощущение чего-то неправильного. И только потом, когда отключились, до меня дошло: в первые за всё время никто из нас не выразил сожаление о том, что мы тогда не послушались сына и не поехали к нему. Тема закрыта. Хотя, именно сейчас, пенять мне за это было бы самое время. Вот, ехали бы вместе по Алтаю, всё дальше и дальше удаляясь от этой страшной эпидемии. И природой бы любовались, наслаждаясь пьянящим горным воздухом. А сейчас – всё, время упущено. И, случись так, что мы соберёмся туда, шансов добраться – ноль. И это, если, даже, не считать блокпосты и прочие кордоны, которых по всей стране наткано, как блох на собаке. Тут, только за город выскочишь, мигом деревенские на вилы поднимут.

Лето в этом году выдалось жарким. Необычайно жарким даже для нашего тёплого климата. Военные задыхались от обилия трупов, но, только их усилия спасали нас от той же холеры, чумы или тифа, а, может, их всех вместе взятых. Деньги давно уже ушли в прошлое и, даже, если они у кого-то остались, купить на них что-то стало невозможно. Живём только благодаря продуктовым пайкам, которые каждый день в десять утра раздавали с армейских грузовиков в строго определённых местах.

Я привычно натянул на лицо респиратор, на парочку которых ещё месяц назад наткнулся в разграбленном хозяйственном магазине. Удобная вещь в нынешней ситуации. И, как мне кажется, гораздо надёжнее, чем стиранные-перестиранные самодельные маски. С фильтрами, правда, никак, но мы с женой приноровились использовать вату, зашитую в бинт. Я оттуда ещё и строительные пластиковые очки притащил, но нам они не понадобились. Мы с Ирккой оба очкарики, так что обходимся своими, с диоптриями.

На ноги верные кроссовки, документы в левый карман брюк-карго, и всё. Я готов к выходу за продуктами. А, нет. Не готов. Чуть не ушёл без монтировки. С недавних пор я без неё за порог не выхожу. Вообще, каждый день меня жена, как на войну провожает. И это не

метафора. Походы за продуктами, действительно, таят в себе опасность. Человек с продуктами в нынешние времена – заманчивая цель. Это, наверное, так же, как, если бы ты в те, далёкие времена, прогуливался по криминальному району, с ног до головы увешанный золотом. Да ещё и с айфоном самой последней модели в руке, выставленным на показ.

На лестнице столкнулся с Витьком, бывшим прапорщиком с пятого этажа. И как он там один живёт? Кроме него на пятом в живых уже никого не осталось. Сосед был одет в старый полевой камуфляж и, даже, на ноги напялил стоптанные берцы. В такую-то жару!

– О! Костян! – обрадовался он мне, словно родному. – Тоже за пайком?

– А куда же ещё? За ним, родимым.

– Пошли. Вместе веселее, – потряс перед моим лицом выдавшим виды вещмешком Витёк.

Вместе, действительно, веселее и не так опасно. Мне, вообще, пришла в голову мысль, что мы все ходим к машине каждое утро, но, как-то поодиночке, хмуро здороваясь в очереди. А, ведь, можно скооперироваться всем подъездом, и тогда ни одна сволочь не посмеет покушаться на наши продукты. Нас, правда, немного осталось, но, случись что, отбиться реально можно.

– Слушай, а почему мы раньше толпой не ходили? – поделился я с соседом своими мыслями. – Толпой же безопаснее.

– Не очень-то большая толпа получается, – погрустнел Витёк. – Пятый этаж – только я. Четвёртый – дядя Гриша с женой и Мишка. Но Мишка не в счёт. Он уже неделю в запое и уже, по-моему, словил белочку. Так что не боец.

– Странно. Откуда он столько бухла взял?

– У него родственники неподалёку в частном секторе жили. Дядя с семьёй. Умерли. Так он, типа, в права наследования ходил вступать, и самогонку у них нашёл. Не знаю сколько, но много. Несколько дней всё домой перетаскивал. У него дядя, оказывается, знатный самогонщик был. Вот он и подсел на эти запасы. А дядя Гриша тоже, как боевая единица – скорее, минус единица. На третьем – ты. И всё.

– Как всё? А остальные?

– А остальные – бабы, которых нам защищать нужно будет, если с ними ходить.

– Ну, не скажи. Та же тётя Тая, чувствую, ещё тот танк, если на её кровное покусятся.

И, потом, ты про того парня со второго этажа забыл.

– Про Серёгу, что ли?

– Наверное.

– Так, нет его.

– Как нет? Умер?

– Не знаю. Он четыре дня назад жену с детьми в труповозку сдал. А позавчера ушёл куда-то и больше не возвращался. Может, подался куда.

– Куда подался? Вокруг города блок посты, а за ними деревенские, которые убивают всех, кто за границу умудрится выскочить.

– Ну, тогда убили. А, может, заразился и сам умер.

– Умеешь ты успокоить.

– Правда жизни. Не вижу смысла приукрашивать действительность.

– Но и сгущать краски тоже не стоит.

– А я и не сгущаю.

– Слушай, а откуда ты столько про всех знаешь?

– С людьми общаться надо, а не как ты. Мимо пробежит, буркнет приветствие, вот и всё общение.

Стоило только выйти из подъезда, как летнее солнце с яростью набросилось на нас, жатно впиваясь в тело раскалёнными щупальцами. Я натянул козырёк кепки поглубже на глаза и вслед за Витьком нырнул в спасительную тень деревьев.

Машина уже пришла. Большой, трёхмостовый армейский КамАЗ, гружённый картонными коробками, из кузова которого сейчас два солдата сгружали простую обшарпанную парту. Рядом уже клубился народ, сдержанно гудя разговорами и с вождением поглядывая в кузов. Крупный пожилой старшина огромной ручищей, поросшей рыжими волосами, извлёк из кузова стул, поставил возле парты, уселся на него, не обращая внимания на жалобный скрип, раскрыл перед собой толстую папку и извлёк пачку списков, распечатанных на принтере.

– Подходим по одному, – пробасил он. – Паспорта готовим заранее.

Толпа взволновалась, забурлила, хлынула к столу и, наверное, снесла бы его, если бы у ней на пути не выросли четыре солдата с приготовленными к бою автоматами.

– Так! – загремел в воздухе голос старшины. – Все в очередь! В очередь, я сказал!

– Ты пайки нам выдавай! – донеслось откуда то из народа. – Не тяни!

– Это кто там вякает?! Если такие умные, почему строем не ходите? Прекратить все разговоры! А ну организовались! Если сейчас не будет очереди, я сворачиваю всю эту долбанную лавочку и уезжаю. Можно подумать, что мне нечего делать кроме вас.

Как бы то ни было, а угроза подействовала. Люди зашевелились и стали выстраиваться в неровную колонну, вяло переругиваясь. Громко ругаться опасались и постоянно косили краем глаза в сторону военных. С них станется. Им-то, что? Каша три раза в день гарантирована. А нам без их ежедневных подачек – просто край. Долго не протянем. Мы с Витьком тоже встали в общую очередь, причём, получилось так, что оказались в самом конце.

– Ну, вот, не меньше часа стоять придётся, – сокрушённо вздохнул я.

– Если возиться на получении не будут, обойдёмся в полчаса, – не согласился сосед.

– Когда, без эксцессов обходилось? Вечно, или бабка тупая попадётся, или тётки подерутся.

Я, как в воду глядел. Очередь двигалась достаточно споро, пока дедок в толстенных очках не упёрся у стола, пытаясь прямо тут раскрыть коробку.

– Ты чё, дед? – выверилась на него какая-то тётка. – А ну освобождай очередь!

– Ага! Счас! – дед оказался не робкого десятка. – Отойду, а там чего-то хватать не будет.

Как потом докажу?

– Когда там чего-то не хватало? – обиделся старшина. – Всё, как в аптеке.

– А ты сам фасовал?

– Нет.

– Что, тогда, так уверен? Небось, солдатики в коробки раскладывали? А то я сам солдатом не был? Вот так грамм по сто у каждого отсыпят и за забор, у населения на самогонку менять.

– У тебя совсем мозги склерозом разъело, пень старый?! – в голосе тётки появились истеричные нотки. – Какой забор? Какое население? Какая самогонка?

– А мало ли?

– А ну, дед, забрал корбку и марш отсюда! – рявкнул старшина. – А то вообще без пайка останешься!

Старик вздрогнул, что-то пробурчал, сгрёб коробку и отошёл в сторону, дожидаясь высокого крепкого парня, стоящего следом. А он не дурак! Понимает, что представляет лакомую и лёгкую добычу для любого гопника. Обзавёлся телохранителем. Наверное, сосед. Стоило этой колоритной парочке удалиться между домами, как две женщины средних лет вцепились друг другу в волосы выясняя, кто из них раньше должен получить продукты и оглашая огрестности

душераздирающими визгами. Бедные солдатики впали в ступор, и только повидавший многое в своей жизни старшина не растерялся.

– Смирно! – заорал он так, что с дальних деревьев сорвалась стая ворон, а женщины вытянулись в струнку. – А ну обе в конец очереди!

– Но... – попыталась возразить одна из скандальщиц.

– В конец очереди, я сказал! Ещё одно слово, и я вас лишу пайка! И я не шучу.

Судя по голосу, старшина точно не шутил. Очередь затихла, и только потревоженная стая ворон нарушала своим карканьем тишину. Дальше очередь двигалась без остановок, словно хорошо отлаженный конвейер. Вскоре подошёл и мой черёд. Я предъявил свои и Иркины документы, получил две коробки и расписался в ведомости. Пока Витёк получал свои продукты, я рассовал коробки в рюкзак и взял в руку монтировку. Вот теперь она как раз нужна. Витёк тоже, засунув свой паёк в вещмешок, закинул его на плечи и приготовил обрезок трубы.

– Ну, что, домой? – улыбнулся он и подпрыгнул, поудобнее устраивая поклажу на спине.

– Пошли.

Троих мутных личностей, старающихся быть незаметными, мы заметили сразу, как только завернули за угол дома. Помятые мужички проводили нас тоскливым взглядом и опять уставились на очередь.

– Смотри, падальщики, – процедил Витёк сквозь зубы. – Жертву себе по зубам выбирают.

– Ага, – согласился я. – Твари.

– Слушай, может, навалием им?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.